

— Ты что со мной сделала?

Холодный, как лед, голос прозвучал прямо над ухом. Янь Циншу нахмурилась и медленно открыла глаза.

Не успела она осознать, где находится, как в нос ударил густой, приторный аромат. Ее лицо мгновенно изменилось.

Афродизиакальное благовоние!

— Ты действительно так сильно хочешь ребенка? — голос Ци Яньи стал низким и хриплым, словно он из последних сил сдерживал себя.

Янь Циншу наконец поняла: она переродилась!

Она вернулась в тот самый день, когда решила использовать против Ци Яньи афродизиак. С самого детства у нее был необычайно острый нюх, она обожала экспериментировать с ароматами, поэтому знала их досконально. Стоило ей вдохнуть этот воздух, как она сразу распознала состав.

Аромат становился все гуще.

Она слегка скосила глаза и увидела Ци Яньи: его лицо пылало, а руки вцепились в край стола так, что побелели костяшки. Его черты лица были изящны, как на картине, тонкие губы плотно сжаты в попытке сдержать порыв, а фигура была стройной и подтянутой. Как ни посмотри, он был невероятно хорош собой.

В ее памяти Ци Яньи всегда был молчаливым и сдержанным. Даже когда он приходил к ней, то вел себя как на официальном приеме, ограничиваясь парой дежурных фраз о здоровье. Она никогда прежде не видела его таким живым.

В прошлой жизни, чтобы успокоить бабушку, перед самой ее смертью она пообещала, что, войдя в Дом Ци, станет примерной женой, будет хранить домашний очаг и растить детей. Три года они прожили в браке, но так и не стали по-настоящему близки. Видя, что муж не проявляет к ней интереса, она самовольно начала подыскивать ему наложниц. Ци Яньи в ответ стал холоден, как лед, и вовсе перестал приходить домой, ночуя в канцелярии.

Дом Ци не мог оставаться без наследников, и она, послушавшись совета служанки Юнь-эр, решилась на афродизиак. Она сама составила смесь и велела Юнь-эр выбрать подходящий момент, чтобы зажечь благовония. Однако потом она передумала — ей не хотелось беременеть таким постыдным способом. Она приказала Юнь-эр остановиться, но та ослушалась и все равно подожгла курильницу.

В той жизни она действительно зачала ребенка, но их отношения с Ци Яньи стали холоднее некуда. Тогда она не задумывалась, почему Юнь-эр посмела пойти против ее воли. Ради того, что они выросли вместе, она не стала наказывать служанку.

При мысли об этом в глазах Янь Циншу мелькнуло странное выражение. Тогда, забеременев, она думала, что если родит этого ребенка, то ей больше не о чем будет жалеть. Она не обращала внимания на растущее равнодушие мужа, мечтая лишь благополучно выносить малыша. Но ребенок так и не появился на свет: случился пожар, и она погибла в огне, задыхаясь от дыма.

В последние мгновения, когда сознание уже угасало, она видела то ли сон, то ли явь: прямо перед тем, как обрушились потолочные балки, она смутно разглядела Ци Яньи. Он бежал к ней, на его лице был написан такой ужас, словно он боялся потерять ее навсегда.

Получив шанс прожить жизнь заново, она больше не позволит приковать себя к этому месту словами бабушки. Она не хочет жить в тумане. В этот раз она будет жить ради себя, без внутренних терзаний!

Ци Яньи был в ярости: он не ожидал, что даже сейчас Янь Циншу будет стоять истуканом.

— Янь Циншу!

От гнева жар внутри него стал почти невыносимым. Янь Циншу вскочила, намереваясь потушить благовония, но Ци Яньи, словно окончательно потеряв рассудок, толкнул ее обратно на кровать.

— Раз уж ты приложила столько усилий, чтобы зачать ребенка, я исполню твое желание.

Он навис над ней, уперевшись руками в постель по обе стороны от ее тела. В ее глубоких, как ночь, глазах он увидел свое собственное искаженное лицо. Он смотрел на ее спокойное выражение лица, и внутри все закипело. Не в силах сдержаться, он припал к ее губам.

Стоило ему коснуться ее, как сработал неведомый механизм — он уже не мог остановиться. Он осторожно разжал ее зубы и ворвался внутрь, закрыв глаза. Его движения стали мягче, но та, что лежала под ним, не проронила ни звука.

Сердце Ци Яньи пропустило удар, словно он что-то почувствовал. Он резко пришел в себя и открыл глаза. Перед ним было лицо, спокойное, как гладь озера. Его пальцы судорожно сжались, а в голосе зазвучали странные, невыразимые нотки:

— Янь Циншу, ты... поистине бессердечна.

Он попытался приподняться, чтобы отстраниться, но тело Янь Циншу словно притягивало его

магнитом. Он понимал, что с ним происходит что-то неладное, но не мог совладать с собой. Он снова притянул ее к себе, уткнувшись лицом в шею и жадно вдыхая ее аромат.

Это было слишком интимно. Щеки Янь Циншу вспыхнули, она попыталась его оттолкнуть, но он остался неподвижен.

Она запаниковала. Сейчас она хотела лишь одного — спокойно прожить свою жизнь, больше не связываясь с этим мужчиной. Тот пожар в прошлой жизни точно не был случайностью, и какую роль в нем сыграл этот человек, еще предстояло выяснить. Если тот, кто стоял за этим, смог поджечь дом однажды, то сможет и снова. Она не позволит себе умереть такой нелепой смертью. Она непременно докопается до истины.

Пока она лихорадочно соображала, как его оттолкнуть, Ци Яньи вдруг выдернул из ее волос шпильку и с силой вонзил ее себе в руку.

Хлынула кровь. Янь Циншу в шоке уставилась на него.

Ци Яньи немного протрезвел и холодно взглянул на нее:

— Ты решила использовать против меня такие методы?

Даже если он был не силен в подобных делах, теперь он окончательно понял, что произошло. Не дожидаясь ответа, он встал и направился к двери. Дернул ручку — заперто снаружи. Он замер и глубоко вздохнул, пытаясь унять внутренний жар. Но почему-то в голове стоял только образ Янь Циншу: как она улыбается, как плачет, как обижается. Вся его голова была заполнена ею.

Он медленно обернулся и посмотрел прямо на нее, его глаза налились кровью:

— Янь Циншу, чего ты от меня хочешь?

Янь Циншу не успела ответить. Подавляя дурноту, она бросилась к курильнице, потушила ее и распахнула окна. Затем она подошла к шкатулке, достала другие благовония и зажгла их в маленькой аромалампе.

Однако Ци Яньи уже успел надышаться отравой, а открытая рана лишь ускорила действие афродизиака. Глядя на нее, он снова не удержался, притянул ее к себе и, склонившись, вновь накрыл ее губы поцелуем.

— М-м... Ци Яньи, успокойся, еще немного, подожди...

Благовония, нейтрализующие действие яда, только начали дымиться, им нужно было время.

Но Ци Яньи, охваченный яростью и дурманом, ничего не слышал — он грубо рванул ее одежду.

Хлесткий звук пощечины эхом разнесся по комнате.

Ци Яньи замер, потряс головой, приходя в себя.

— Что? Пожалела?

Янь Циншу знала, что его рассудок еще затуманен, поэтому намеренно сказала жестокие слова:

— Да! Я пожалела! Раз уж ты так меня ненавидишь, давай расторгнем наш брак!

<http://bllate.org/book/18483/1773587>